

ЮЛИЯ АЙНУР
ПЯТЬ ДНЕЙ
И ТЫСЯЧИ ЛЕТ

Тетуан. На расстоянии пролива

Юлия Айнур

**Пять дней и тысячи лет :
Тетуан. На расстоянии пролива,**

«Автор»

2026

Айнур Ю.

Пять дней и тысячи лет : Тетуан. На расстоянии пролива, /
Ю. Айнур — «Автор», 2026

Пять дней – это слишком мало для вечности, но вполне достаточно, чтобы изменить человеческое сердце. Перед вами не просто путеводитель по северу Марокко, а хроника пятидневного паломничества вглубь себя. Автор приглашает вас пройти сквозь ворота Тетуана – древней «Жемчужины Марокко», чьи белые стены веками хранят тайны андалузских королей и суфийских святых. Вместе с автором вы пройдёте пять символических ступеней-стоянок: от первого шага через порог Медины до погружения в тишину древних завий, от разгадки мифов о великане Антее у кромлеха Мзора до созерцания Гибралтарского пролива, разделяющего два мира. Медина Тетуана устроена мудро: её запутанные улочки заставят вас замедлить бег, отключить навигаторы и... заблудиться. Но потерять дорогу здесь – это великое благословение, ведь именно в тупиках этого каменного лабиринта путник обретает истинного себя. Облачитесь в плотную ткань марокканской джеллабы и сделайте этот шаг. Лабиринт уже ждёт тех, кто готов созерцать.

© Айнур Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Книга Белых Стен	6
День 1. Врата и Шаг в Неведомое (Начало пути)	7
Маленький аэропорт	7
Семь ворот	8
Семь – не случайность	10
Медина	11
Город, который создал диктатора	12
Школа жестокости	15
Человек, которого называли дикарём	16
Две республики	18
Мировая война, которая началась в Тетуане	19
Сто лет одного крика	22
Диктатор, который пережил всех	23
История, которая дышит	24
Память города	26
Книги и Бог	27
Школа философа	31
Свободные люди	32
Рихля	33
Платок	34
Молитва	35
Зикр	36
Церковь	37
Кошки	38
Кто победил крыс	41
Вечер	43
Первый ифтар	45
Четыре тысячи слов, которые не ушли	46
Засыпая	49
День 2. Шепот Святых и Тишина (Постижение Тайного)	51
Утро	51
Кто цивилизованный	52
О бездомных	53
О цивилизации	54
Медерса Лукаш	55
Образование – от дощечки до диплома	58
Глаза, которые не закрываются	65
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Юлия Айнур
Пять дней и тысячи лет :
Тетуан. На расстоянии пролива,

Посвящается моей маме

*Истинное путешествие –
это не поиск новых земель,
а обретение новых глаз.
Аль-Газали*

*Куда бы ты ни направлялся,
это путешествие внутрь себя.
Ибн Араби*

*Не будь рабом своих привычек.
Стань странником,
и каждый день будет
открывать тебе новый мир.
Ибн Баттута*

Пролог. Книга Белых Стен

Суфии говорят, что мир – это огромная открытая книга, но человек, который сидит на одном месте, успевает прочесть в ней всего лишь одну страницу. Когда я собирала чемодан, я думала, что покупаю билет до Тетуана. Но истинный путник знает, что мы никогда не выбираем дороги сами. Это города, созревшие в своей вековой тишине, зовут нас, когда наступает наше время пробуждения.

Тетуан вызвал меня и встретил своей знаменитой белизной – чистым цветом. В суфизме белый – это цвет первозданной чистоты (фитра), цвет начала и конца, в котором растворяются все остальные краски мира. Медина Тетуана, зажатая в тиски суровых Рифских гор, предстала предо мной не просто архитектурным памятником, а живым, дышащим лабиринтом.

Этот лабиринт устроен мудро. Его улочки сужаются, петляют, обрываются тупиками и внезапно выводят на залитые солнцем площади. Старые мастера строили Медину так, чтобы чужестранец не смог пройти её насквозь гордым, прямым маршем. Она заставляет замедлить шаг, кланяться низким аркам, оборачиваться и, в конце концов, заблудиться. Но потерять дорогу в лабиринте Тетуана – это великое благословение. Ведь только потеряв все внешние ориентиры и привычные маршруты, ты начинаешь прислушиваться к компасу внутри собственного сердца.

Пять дней в Белом городе стали для меня пятью стоянками души – суфийскими маками. Пятью глотками мятного чая, в сладости и горечи которого скрыта мудрость момента. Пятью призывами муэдзина, улетающими в горное эхо.

Эта книга – не просто путеводитель по улицам, рынкам и смотровым площадкам Тетуана. Это хроника пяти дней, за которые внешнее путешествие по марокканской земле незаметно превратилось в самое главное странствие – дорогу к самой себе. Войдите в эти ворота. Лабиринт уже ждет.

День 1. Врата и Шаг в Неведомое (Начало пути)

Маленький аэропорт

В аэропорту наш самолет был единственным. Спустились по трапу и пешком пошли в здание, где нас встретили улыбающиеся таможенники и работники аэропорта.

На выходе я купила за пять евро сим карту и закинула на нее тоже пять евро. Мужчина, который продавал, сказал, что этого достаточно на неделю.

Потом большое такси до города за десять евро. Таксист довольно хорошо говорит на испанском, хотя ни разу не был в Испании. Говорит, что Испания и близко, и далеко – дорого и нужна виза. Объяснил, что маленькие такси ездят в городе и оплата по счетчику, а большие такси – между городами и оплата по установленным тарифам. Дал мне свою визитку, если я захочу куда-нибудь съездить. Очень приятный и вежливый.

И вот я на месте. Второй этаж. Набираю код на коробочке для ключа рядом с дверью – и я уже в квартире.

Она довольно просторная – прихожая-столовая, две спальни, кухня и ванная комната. Мой дом в Тетуане на следующие пять дней. Выбираю спальню с большой кроватью и достаю одежду.

Я свободно говорю по-испански и здесь мне просто быть понятой. Тетуан – это бывшая зона испанского протектората. Здесь с 1912 по 1956 год хозяйничали испанцы, а в Касабланке и Рабате – французы. Поэтому здесь старшее поколение говорит по-испански, а молодёжь –

по-французски. Кому не досталось ни того, ни другого, говорит на дариже, марокканском арабском, и отлично себя чувствует.

До Испании отсюда час на пароме или самолете и с берега её видно. Географический парадокс – для испанцев это юг, а для марокканцев – север. Одно море, один пролив, два мира и четырнадцать евро за авиабилет между ними.

Рамадан. Сегодня восемнадцатый день священного месяца. Утром весь город спит не потому, что рано, а потому что так положено. Закрыто всё. Тишина, как в воскресенье в испанской деревне, только без колоколов.

Я приехала одна. Отбросила все свои страхи и решилась на эту поездку. Пошла гулять по городу и надела платочек, чтобы не выделяться. Сработало. Никто не смотрит, никто не оборачивается – видимо, вливаюсь. Жизнь научила меня, если хочешь узнать место, то стань его частью. Наблюдатель в костюме туриста видит декорации, но наблюдательница в платке видит жизнь.

Семь ворот

Мое первое знакомство с мединой Тетуана начинается со стены. Она тянется на пять километров – массивная, построенная еще в XVII веке. Блоги путешественников обещали мне самую аутентичную медину Марокко, но забыли предупредить, что в неё нельзя просто «зайти». В неё нужно проникнуть через одну из семи дверей. И каждая ведет в свой мир.

Я захожу через Баб ар-Руах, Ворота Ветров, – восьмые ворота, которые пристроили позже, у королевского дворца. Ведут в Меллах – еврейский квартал. Здесь стоит синагога, и когда-то здесь жила одна из крупнейших еврейских общин Марокко. Сейчас синагога пуста.

Сразу за воротами улица с ювелирными украшениями из золота и серебра. В витринах маленьких магазинчиков выставлены традиционные украшения – браслеты, серьги, кольца и, конечно же, традиционные пояса для праздничных женских кафтанов. Красота невероятная. Дальше идут магазины с традиционной праздничной одеждой. Это не просто одежда, а произведения искусства. Надевают ее в основном на свадьбы. Семьи у марокканцев большие и на свадьбы они ходят часто, так что праздничная одежда является необходимой частью гардероба. Поскольку красивый кафтан стоит дорого, то некоторые магазины предлагают также брать их в аренду, но это уже не те красивые кафтаны, что выставлены в витринах на продажу, а те, что находятся в глубине магазина.

Классических ворот в медине Тетуана – семь.

Баб Окла – Ворота Королевы. Главный вход, через который заходят все. Названы в честь Изабеллы II – здесь стояли её солдаты во время испанской оккупации 1860 года. Испанцы пришли, заняли ворота, дали им имя своей королевы. Хотя они ушли, но имя осталось. За воротами находится квартал Суика, старейший в медине. Здесь находится мечеть Джадида, XVII века и здесь же вход в Меллах, еврейский квартал.

Ворота Баб Джаиф – самые мрачные на северо-востоке держались закрытыми. Они открывались только для одного – для похорон еврейской общины. За ними прячется еврейское кладбище, обнесённое стеной, на котором около тридцати пяти тысяч старинных белых надгробий. Ворота Мёртвых. Живые ходили через другие.

Баб Нуадер – Ворота Феса. На старой дороге, которая вела из Тетуана в Фес – через горы, через Рифский хребет, через полстраны. Фес – первая столица, Фес – университет Аль-Каравийин, Фес – красильщики. Дорога в Фес – дорога к знаниям, к торговле, к центру. Испанцы в военных хрониках XX века их называли Революционными воротами, так как этот район неоднократно становился очагом восстаний местных рифских племен против колониального протектората.

Баб Ремуз – Ворота, названные в честь знатного андалузского рода Аль-Ремуз, бежавших из Гранады после Реконкисты. Ворота были возведены на территории их владений и получили их имя, хотя за много веков их называли также Воротами Католических королей, которые изгнали мавров из Гранады, Воротами Лунеты по названию прилегающей к ним улицы, которая вела к старому железнодорожному вокзалу, и Воротами Моря.

Баб Мкабар – Ворота Кладбища на юго-западе, у мусульманского кладбища. Через них – можно пройти в медину к кожевенным мастерским XVI века с запахом кожи, хрома, краски – тем самым запахом, который ты чувствуешь за квартал, и улице бабушечников – мастеров, которые шьют бабуши, марокканские тапочки без задника.

Баб Саида – по-испански Puerta de San Fernando – аристократический вход. Они были названы в честь святого покровителя Тетуана – Сиди Саиди. Во время протектората испанцы дали им название в честь католического святого, короля Фернандо III Кастильского. За этими воротами – мечеть и завия святого покровителя Сиди Саиди, квартал Блад, где стоят лучшие дома медины. Это ворота для тех, кто приходил не торговать, а жить.

Баб Тут – Ворота Тутовника или Ворота Танжера. На дороге в Танжер – в порт, в пролив, в Европу. Перестроены при испанском протекторате. За ними – улица Транкат: фрукты, овощи, мясо, рыба. Здесь покупают местные. Здесь почти нет туристов. Здесь запах мяты и кинзы, и женщины в джеллабах щупают помидоры.

Семь – не случайность

В исламе семёрка – одно из самых сакральных чисел. Пророк Мухаммед в Ночном путешествии прошёл через семь небес – от первого, где встретил Адама, до седьмого, где говорил с Аллахом. Паломники обходят Каабу семь раз, пробегают между холмами Сафа и Марва семь раз, бросают семь камней в шайтана. У ада – семь врат (Коран, 15:44). У рая – восемь, на одни больше, потому что милость шире гнева. Первая сура Корана – Аль-Фатиха состоит из семи аятов.

Город с семью воротами – это микрокосм, маленькая модель мира. Как тело с семью чакрами. Как небо с семью сферами. Каждые ворота – не просто дыра в стене. Это точка перехода. Между внутренним и внешним. Между священным и мирским. Между живыми и мёртвыми (Баб Джаф открывались только для похорон). Между знанием и торговлей (Баб Нуадер – дорога в Фес). Между Африкой и Европой (Баб Тут – дорога в Танжер, а оттуда – через пролив).

Города на семи холмах – это совсем другая магия. Рим стоит на семи холмах: Палатин, Авентин, Капитолий, Квиринал, Виминал, Эсквилин, Целий. Когда Константин построил Константинополь, он намеренно выбрал место с семью холмами – «Новый Рим». Москва объявила себя «Третьим Римом» – и нашла свои семь: Боровицкий, Сретенский, Тверской, Трёхгорный, Таганский, Лефортовский, Воробьёвы горы. Иерусалим стоит на семи холмах. Лиссабон. Мекка. Эдинбург.

Семь холмов – претензия на величие. Город, который стоит на семи холмах, говорит: «Я как Рим».

Тетуан не на семи холмах. Он зажат между двумя горами – Дерса с севера и Горгиз с юга, отроги Рифских гор. Между ними – долина с рекой Мартиль. Город не раскинулся – втиснулся. Поэтому медина такая плотная, улицы такие узкие, дома так тесно прижаты друг к другу.

Тетуан говорит не «я великий». Тетуан говорит: «Войди».

Не холмы, а входы. Не претензия на величие, а приглашение. Семь ворот – это семь способов войти в один и тот же город. Через Ворота Королевы – как завоеватель, через Ворота Мёртвых – как прощающийся, через Ворота Феса – как ищущий знаний, через Ворота Танжера – как уезжающий, через Ворота Кладбища – как помнящий.

И через каждые ворота ты попадаешь в одну и ту же медину, но видишь её по-разному. Зависит от того, через какие ворота ты вошёл.

Я вошла через Баб ар-Руах, как все, как туристка.

Медина

Медина Тетуана – объект Всемирного наследия ЮНЕСКО. Звучит солидно, но по факту – это рынок. Большой, шумный, живой, пахнущий всем сразу: мятой, кожей, кошками, рыбой, специями и чем-то неопределимым, что, вероятно, лучше не определять.

Свежее мясо, свежее не бывает – живые куры со связанными ногами и тут же рядом яйца. Цепочка прилавков. Для европейца – шок. Для местных – норма, которой тысячи лет. Рядом – живые канарейки и попугайчики, пока не для еды, но кто знает.

Свежая рыба в ящиках поскольку море рядом. Мясо продают без перчаток, без мытья рук, без европейского невроза по поводу температуры хранения. Оливки горками – бери руками, пробуй. С точки зрения санитарии тут всё надо закрыть и всех эвакуировать. С точки зрения здравого смысла – всё свежее и настоящее. Ни одного консерванта, ни одной наклейки с составом из двадцати строк.

Купила свежую мелиссу – делать чай. Продавец назвал цену, я сказала «бзаф!» (дорого!) – одно из первых слов, которые выучила на дарижа. Он рассмеялся и скинул цену. Может быть, от неожиданности.

Многие не любят рынки, а мне они нравятся. Рынок – это честность. Вот продукт, вот цена, вот человек, который его вырастил, поймал или сделал. Без маркетинга, без упаковки, без «органик» за тройную цену. Просто еда. Просто жизнь.

У лавок со сладостями летают пчёлы. Много. Сначала подумала, что мухи. Подошла ближе – нет, пчёлы! Сладости с мёдом, и пчёлы летят на запах. Проверка качества с помощью природы – никаких лабораторий, никаких сертификатов. Если бы все проверяющие были такими честными, то мир был бы проще. Пчёл не отгоняют, поскольку пчёлы священны в Исламе, совершенно не агрессивны и они не врут. Они показывают, что сладости свежие с настоящим мёдом, а не подделкой.

Город, который создал диктатора

Я не знала этого, когда гуляла по медине. Не знала, что по этим же улицам, узким, белым, пахнущим мятой и кожей, ходил девятнадцатилетний лейтенант, маленький, тщедушный, с высоким голосом, над которым смеялись однокурсники. Они называли его Franquito – «маленький Франко» – имя уменьшительное и насмешливое.

Франсиско Паулино Эрменехильдо Теодуло Франко Бахамонде родился в 1892 году в Ферроле, портовом городе на северо-западе Испании, в Галисии. Шесть поколений его семьи служили на флоте. Его прадеды, деды, отец – все были морскими офицерами, и мальчик мечтал о море, о кораблях, о синей форме с золотыми нашивками.

Но моря не стало. В 1898 году Испания проиграла войну Соединённым Штатам и потеряла всё – Кубу, Филиппины, Пуэрто-Рико. Флот, гордость империи, был уничтожен. Военно-морскую академию в Ферроле закрыли. Мальчику было шесть лет, и его мечта умерла раньше, чем он успел её осознать.

А потом умерла и семья. Отец, Николас Франко, был морским офицером-казначеем, алкоголиком и, по свидетельствам биографов, жестоким человеком. Когда Франсиско было четырнадцать, отец бросил семью и ушёл к другой женщине в Мадрид. Он не вернулся. Мать, Мария дель Пилар Бахамонде, набожная католичка из хорошей семьи, с того дня до конца жизни одевалась в чёрное, как вдова, хотя муж был жив.

Франсиско был вторым из пятерых детей. Не старшим – старшим был Николас, будущий дипломат. Был ещё Рамон – лётчик, герой, левый, масон, полная противоположность брата, две сестры – Пилар и Пас.

Мечта о море была разбита. Отец сбежал. Мать в трауре. Что оставалось? Пехота – Толедское военное училище. Он окончил его двести пятьдесят первым из трёхсот двенадцати курсантов, довольно посредственно.

И вот этот посредственный, маленький, обиженный жизнью мальчик из семьи без отца и без флота принимает решение. В 1912 году, в девятнадцать лет, он добровольно уезжает Марокко.

Почему?

Первая причина – это деньги. Офицеры-африканисты – те, кто служил в колонии, получали повышенное жалованье и надбавки, и для мальчика из многодетной семьи без отца это было важно.

Вторая причина – карьера. В мирной Испании повышения шли по выслуге раз в десять лет, а в Марокко – по боевым заслугам. Один удачный бой и можно получить повышение через два звания.

Третья причина – это бегство из Ферроля, где всё напоминало об утраченном флоте и сбежавшем отце, через всю Испанию, с самого северо-запада на самый юг, через пролив, на другой континент, из одного портового города в другой.

И ещё одна причина – доказать отцу, однокурсникам, всем, кто смеялся.

Тетуан был столицей испанского протектората в Марокко. Здесь располагался штаб Верховного комиссара. Отсюда управляли всей испанской зоной – от Сеуты до Мелильи.

В 1916 году, в двадцать три года, капитан Франко вёл штурм марокканских позиций при Эль-Биутце, на холмах близ Сеуты. Пуля попала ему в живот, и врачи не ждали, что выживет. Это было единственное ранение за десять лет непрерывных боёв.

Он выжил. И после этого солдаты, в том числе марокканские *regulares*, местные наёмники на испанской службе, стали говорить, что у лейтенанта есть «барака» – арабское слово, означающее благословение, неуязвимость – его пули не берут.

Биографы Франко и медицинские отчёты утверждают, что ранение повредило ему нечто очень интимное. Диктатор, построивший режим на культе мужественности, был покалечен пулей бербера в двадцать три года. Возможно, из-за этого ранения у него была только одна дочь – Кармен, при том, что его режим пропагандировал многодетность, запретил контрацепцию и развод, а аборт сделал уголовным преступлением. «Дайте Испании детей!» – призывала пропаганда. В испанских семьях было много детей, а сам Каудильо стал отцом только одного ребёнка.

Школа жестокости

В 1920 году в Марокко создали Испанский легион, Tercio de Extranjeros, по образцу Французского иностранного легиона. Основатель, Хосе Мильян-Астрай, одноглазый, однорукий офицер, чьим девизом было «Да здравствует смерть!» (¡Viva la muerte!). Легионеров называли novios de la muerte – «женихи смерти». Франко стал вторым командиром, затем первым, когда ему было тридцать лет.

Легион был жесток и не метафорически, а буквально.

Пол Престон, главный биограф Франко, пишет: «Никаких ограничений на зверства не накладывалось». Франко лично водил двенадцать легионеров в рейд, когда они вернулись с двенадцатью отрубленными головами берберов как трофеями. Его юный горнист отрезал ухо пленному, и Франко рассказывал об этом с удовольствием. Один легионер подарил испанской герцогине, приславшей медикаменты на фронт, корзину роз, внутри которой лежали две отрубленные марокканские головы.

Когда генерал Примо де Ривера приехал с инспекцией в Марокко в 1926 году, целый батальон Легиона встречал его с головами на штыках.

Обезглавливание пленных было нормой, рутинной, частью культуры.

Вот что сделал Тетуан с маленьким Франкито. Мальчик из Ферроля приехал сюда посредственным лейтенантом. Четырнадцать лет непрерывного насилия, с девятнадцати до тридцати трёх, превратили его в другого человека. Человека, для которого отрубленная голова – это не преступление, а подарок. Человека, который знал, как работает страх.

Он уже не был связан с Испанией. Он уехал подростком и вернулся генералом. Офицеры-полуостровники (peninsulares), прослужившие всю жизнь в мирной Испании, были кабинетными военными. Африканисты – те, кто прошёл Марокко, были другой породой, и у них хватало жестокости на десятерых.

Именно поэтому его позвали в Испанию, именно поэтому он смог.

3 февраля 1926 года Франко – бригадный генерал в тридцать три года. Самый молодой генерал в Европе.

Человек, которого называли дикарём

В тех же горах, в нескольких десятках километров от Тетуана, жил человек, о котором колонизаторы думали, что он дикарь, необразованный горец, бербер.

Мухаммад ибн Абд аль-Карим аль-Хаттаби – Абд аль-Крим – родился в 1882 году в Аждире, в сердце Рифских гор. Его отец был кади, шариатским судьёй и главой клана Айт Юсуф у Али, одного из самых влиятельных в племени Айт Уриагель.

Дикарь? Абд аль-Крим учился сначала в традиционной школе в Аждире, потом в институте в Тетуане, в том самом городе, по которому я гуляла, не зная этого. Потом два года в Фесе, в медресе Аль-Аттарин и Саффарин при Университете аль-Карауин, старейшем университете мира, основанном в 859 году, а потом в испанских школах. Его брат М'хаммад учился горному делу в Малаге и Мадриде.

Какими языками он владел? Рифский берберский был его родным, арабский – классический фусха для официальных документов и дарижа для повседневности, а испанским он владел свободно. Он был полиглотом, жившим между тремя мирами.

С 1906 года Абд аль-Крим работал в Мелилье, испанском анклав на марокканском побережье – учитель, переводчик, журналист – писал статьи на арабском для газеты *El Telegrama del Rif*. Он был редактором арабской секции, а потом секретарем-переводчиком в Бюро по делам туземцев, а позже стал главным кади (шариатским судьёй) Мелильи.

Он знал колониальную систему изнутри и редактировал их газету. Он судил по их законам и понимал испанский менталитет лучше, чем многие испанцы.

В интервью 1952 года, уже в эмиграции в Каире, он сказал: «Мы – берберы. Мы говорим на арабском, языке Корана, и понимаем друг друга на берберском, языке наших предков. Берберы – продвинутый народ, унаследовавший множество цивилизаций».

Так почему он восстал?

Причин было три. Первая – земля. Испанские горнодобывающие компании (особенно *Compañía Española de Minas del Rif*) выкачивали железную руду из рифских гор, а местные теряли землю и не получали почти ничего. Классика колониализма: ресурсы – в метрополию, нищета – на месте.

Вторая – унижение. Испанские офицеры обращались с рифцами как с животными при том что Абд аль-Крим знал три языка, имел университетское образование и двадцать лет служил в их же системе.

Третья – личная. Его отец, вождь племени, отказался от испанских подкупов. Самого Абд аль-Крима арестовали в 1916 году за связи с немецким консулом. Он пытался бежать из тюрьмы в Шефшауэне и прыгнув со стены, сломал ногу. Сидел до 1918-го, позже вернулся к должности, а в 1920-м ушёл в горы.

Две республики

В 1921 году испанский генерал Мануэль Фернандес Сильвестре, самоуверенный и некомпетентный, полез с шестьюдесятью тысячами солдат вглубь Рифа. Абд аль-Крим предупредил, если перейдёте реку Амеккран, то это война, но Сильвестре проигнорировал.

Битва при Анвале длилась три недели. Тринадцать тысяч испанских и колониальных солдат были убиты. Сильвестре застрелился, увидев, что поражение неизбежно. Двадцать лет испанского наступления в Рифе были стёрты за две недели. Армия из тридцати тысяч рифских бойцов разгромила вдвое большие силы противника.

Абд аль-Крим создал Республику Риф, первое современное государство в Северной Африке с конституцией, парламентом, флагом и армией. Не племенной союз, а государство с дипломатией, реформами, политической программой. Он хотел не просто прогнать испанцев – он хотел создать государство.

Его тактику партизанской войны, так называемый «рифский метод», включая первое в истории использование туннелей в современной войне, потом изучали Мао Цзэдун, Хо Ши Мин, Че Гевара. Абд аль-Крим – праотец партизанских движений двадцатого века.

К 1924 году испанцы отступили к трём изолированным городам на побережье: Тетуан, Сеута, Мелилья, а республика Риф контролировала почти весь север Марокко.

Тогда вмешалась Франция. В 1925 году маршал Петен, тот самый, который позже сдаст Францию Гитлеру, привёл армию – двести пятьдесят тысяч солдат, с авиацией, артиллерией и химическим оружием иприт против гражданского населения.

Женевский протокол 1925 года запрещал химическое оружие. Испания и Франция подписали его, и в том же году распылили иприт над рифскими деревнями.

Республика пала. 27 мая 1926 года Абд аль-Крим сдался французам.

Это была первая республика, уничтоженная при участии Франко.

Десять лет спустя, 19 июля 1936 года, Франко прилетел с Канарских островов в Тетуан, и принял командование Армией Африки, теми самыми легионерами и марокканскими *regulares*, с которыми подавлял берберов, и начал переправу через пролив.

Гражданская война в Испании. Вторая Испанская Республика – демократия, конституция, парламент, выборы. Франко привёл против неё ту же армию, которая уничтожила Республику Риф. Те же методы, те же люди, та же жестокость, отточенная в горах Марокко.

Престон пишет: «Во время Гражданской войны террор Африканской армии был перенесён на испанскую территорию как инструмент холодно продуманного проекта – создания авторитарного режима».

Франко научился убивать республики в Тетуане. И повторил это дома.

Вторая республика, уже в Испании была уничтожена тоже им.

Мировая война, которая началась в Тетуане

Гражданская война в Испании не была чисто испанской. Она стала генеральной репетицией Второй мировой.

Гитлер прислал легион «Кондор», немецкие бомбардировщики, которые уничтожили Гернику в апреле 1937-го. Пикассо написал картину. Мир увидел и ничего не сделал.

Муссолини прислал семьдесят тысяч солдат и авиацию.

А Советский Союз прислал помощь республиканцам. И это – история, которую стоит знать.

Около двух тысяч советских военных, лётчики, танкисты, артиллеристы, советники, воевали в Испании под чужими именами: «Пабло», «Грейзе», «Дуглас». Тридцать пять советских лётчиков получили звание Героя Советского Союза за бои в Испании.

В октябре 1936 года, когда Мадрид был обречён, франкисты стояли на южных подступах, советские танки Т-26 и истребители И-15 появились в последний момент, и Мадрид продержался до самого конца войны, до марта 1939-го.

29 октября 1936 года, в битве при Сесенье в тридцати километрах от Мадрида, лейтенант Семён Осадчий на Т-26 протаранил итальянскую танкетку CV-33. Первый таранный удар в истории танковых войн. Через пять дней снаряд оторвал ему обе ноги. Он умер от гангрены.

Михаил Кольцов – корреспондент «Правды», легендарная фигура, освещал войну из Мадрида. Хемингуэй вывел его в романе «По ком звонит колокол» под именем Карков. Оруэлл обвинял его в пропаганде. В 1938-м Кольцов вернулся в Москву, а в 1940-м был расстрелян. Испания не спасла.

Но была и другая русская история. Белые эмигранты – те, кто проиграл свою гражданскую войну, оказались по обе стороны испанской. Семьдесят два русских офицера-эмигранта воевали за Франко. На параде победы в Валенсии в мае 1939-го они шли отдельной колонной под флагом Российской империи. А более трёхсот русских эмигрантов воевали за республику в Интербригадах. Надеялись заслужить право вернуться на родину. Генерал Есимонтовский, монархист, белогвардеец, встал на сторону республиканцев. Гражданская война в Испании расколола русскую эмиграцию так же, как Гражданская война расколола Россию.

И были дети. В 1937–38 годах из республиканской Испании эвакуировали две тысячи восемьсот девяносто пять детей в Советский Союз. Их называли Niños de Rusia – «дети России». Они жили в детских домах под Ленинградом, в Обнинске, под Одессой. Учились на испанском, росли между двумя языками и двумя мирами.

А потом началась другая война. И тот же Франко, формально нейтральный, не вступивший во Вторую мировую, отправил на Восточный фронт Голубую дивизию (División Azul) – сорок семь тысяч «добровольцев». Головорезов, выросших в традициях Легиона. Они воевали под Ленинградом два года непрерывно на линии фронта и участвовали в блокаде.

Двадцать две тысячи потерь. Четыре с половиной тысячи убитых. В феврале 1943-го, в битве при Красном Бору, испанцы удержали позиции против 55-й советской армии, превосходившей их в семь раз. Блокада продолжилась ещё год.

Вот ирония, от которой перехватывает дыхание – испанские дети, niños de Rusia, жили в Ленинграде, когда Голубая дивизия помогала его осаждать. Дети одной страны и солдаты той же страны находились по разные стороны блокады.

Испанское золото тоже уехало в Москву. Золотой запас Республики, пятьсот миллионов долларов в ценах 1939 года, был отправлен в СССР в обмен на оружие. Франко называл это «ограблением века». Золото не вернулось.

И последний штрих, в 1960 году, на первом Кубке Европы по футболу, сборная СССР должна была играть с Испанией в четверть финале. Франко запретил своей команде ехать в Москву. Сборная СССР получила автоматический проход и стала чемпионом Европы. Франко ненавидел Советы до самой смерти, а они выиграли благодаря ему.

Сто лет одного крика

Абд аль-Крим был сослан на остров Реюньон в Индийском океане. Двадцать один год, с 1926-го по 1947-й он жил в золотой клетке. Только в 1947-м ему разрешили переехать на юг Франции. На транзите через Суэцкий канал он сбежал в Египет.

В Каире он создал Комитет освобождения Арабского Магриба. Работал на независимость Туниса, Алжира, Марокко. Когда Марокко стало независимым в 1956 году, ему предложили вернуться. Он отказался. Сказал, что новая монархия слишком дружна с бывшими колонизаторами.

Он умер в Каире в 1963-м. Ему исполнился восемьдесят один год. Тело до сих пор находится в Египте, хотя рифцы просят вернуть его останки. На демонстрациях носят его портрет. Правительство молчит.

Потому что Риф помнит, всегда помнит.

1958–59. Марокко становится независимым королевством. Рифцы просят автономию, начинаются протесты. Кронпринц Хасан (будущий Хасан II) подавляет восстание – авиация, напалм, тысячи жертв.

1984. Хлебные бунты в Рифе. Хасан II называет рифцев «авбаш» – «отбросы». Снова подавление и снова жертвы.

В 2016 в Аль-Хосейма, столице Рифа, Мухсин Фикри, торговец рыбой, погибает в мусоровозе. Нассер Зефзафи, молодой активист, становится лидером протестного движения «Хирак Риф».

Их требования? Не свержение короля. Не независимость. Не революция.

А университет. Онкологическая клиника. Дороги. Рабочие места.

Они просили больницу.

Онкология в Рифе аномально высокая. Некоторые исследователи связывают это с ипри-том, которым Испания и Франция травили рифские деревни сто лет назад. Химическое оружие, возможно, до сих пор убивает.

В результате выступлений было произведено более четырёхсот арестов. Зефзафи приговорён к двадцати годам тюрьмы. Лидеры движения получили от двух до двадцати лет. Amnesty International осудила это, и в 2024-м Зефзафи был помилован условно-досрочно.

Король пообещал развитие: университет, больницу, инфраструктуру. Часть строится. Часть – нет.

Один регион. Сто лет. Одни и те же требования: дайте нам жить. Одни и те же ответы.

Диктатор, который пережил всех

Вернёмся к Франко. Он сделал то, чего не удалось ни одному фашистскому диктатору двадцатого века – дожил до старости и умер в своей постели.

Гитлер застрелился в бункере в пятьдесят шесть лет. Муссолини расстрелян партизанами и повешен вверх ногами на бензоколонке в шестьдесят один. Тодзио казнён в шестьдесят три года. Салазар в Португалии пережил инсульт, и два года ему не говорили, что он больше не у власти, он умер, думая, что всё ещё правит.

А Франко? Умер 20 ноября 1975 года в восемьдесят два года, пробыв тридцать шесть лет у власти. Он умер в своей постели, окружённый священными реликвиями, в том числе мумифицированной рукой Святой Терезы Авильской. Непобеждённый. Не свергнутый. Не повешенный.

И вот последняя ирония. У Франко не было наследника, а только одна дочь – Кармен. Но он задумал нечто большее, а именно восстановить монархию. В 1948 году отец будущего короля, Дон Хуан, передал Франко образование своего десятилетнего сына. Мальчика звали Хуан Карлос.

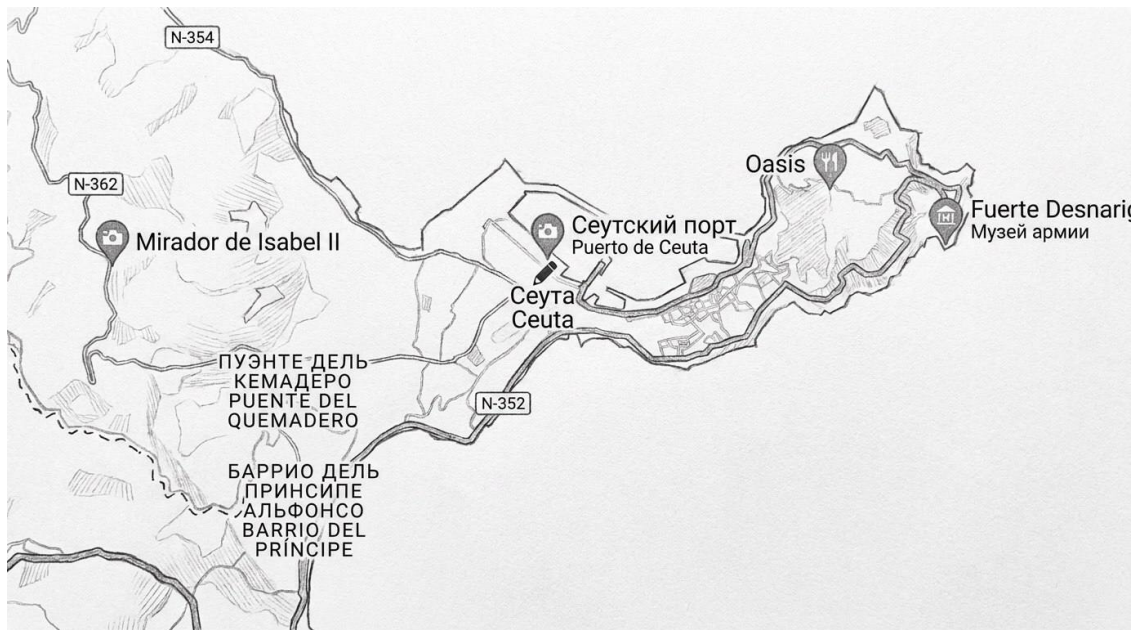
Франко растил его как собственного – три военные академии, гуманитарные науки, право, экономика. В 1969-м назначил наследником, перескочив через отца, поскольку тот был слишком либеральный. Хуан Карлос присягнул на верность диктатору.

А потом Франко умер, и мальчик, которого он вырастил, демонтировал всю систему, привёл Испанию к демократии – Конституции 1978 года, свободным выборам и вступлению в ЕС.

Диктатор вырастил собственного могильщика. Тетуан создал Франко. Франко создал короля. Король уничтожил то, что создал Франко.

История, которая дышит

Сеута – испанский анклав в Африке – это всего семь квадратных километров, была захвачена португальцами в 1415 году, передана Испании. А Мелилья – четыре целых семь десятых квадратного километра была захвачена Испанией в 1497-м. И это единственная сухопутная граница Европы с Африкой.

Что там? Колючая проволока, двойные заборы в шесть метров, сторожевые вышки, дроны, оплаченные Евросоюзом. В 2021 году за два дня в Сеуту вошли десять тысяч человек. С начала 2026-го почти тысяча мигрантов добрались до Сеуты. Рост шестьсот процентов по сравнению с 2025-м.

В 1811 году, двести пятнадцать лет назад, Кадисские кортесы, испанский парламент, объявили, что Сеута и Мелилья не являются испанскими территориями, и предложили вернуть их Марокко. Испания знала правду и забыла.

А в марте 2026-го Американский институт предпринимательства (АЕИ) опубликовал статью: «Трамп должен признать Сеуту и Мелилью оккупированной марокканской территорией». Контекст был такой – Испания отказалась поддержать удары по Ирану, не дала Штатам использовать испанские базы, отозвала посла из Израиля, назвала войну в Газе геноцидом. Трамп назвал Испанию «недружественной». И вот результат – удар по больному.

А Марокко? Почти миллион марокканцев живёт в Испании, и это только официальные цифры. 4 декабря 2025 года прошла тринадцатая Встреча высокого уровня Марокко – Испания в Мадриде. Четырнадцать соглашений были подписаны за один день: дипломатия, юстиция, сельское хозяйство, образование, спорт и пакет инвестиций на восемьсот миллионов евро. Испания является торговым партнёром Марокко номер один с 2012 года.

И при этом ни слова о Сеуте и Мелилье. Полная тишина.

В этом и состоит дипломатическое мастерство. Марокко обижено, но рукопожатно. Помнит всё, но и подписывает всё. Потому что время работает на Марокко, а не на Испанию. Формально независимое с 1956 года, Марокко строит отношения – четырнадцать соглашений, восемьсот миллионов евро, дипломатический этикет. Но Сеута и Мелилья остаются. Французский язык остаётся языком элиты. Фосфат, крупнейшие запасы в мире, вывозят сырым, а перерабатывают где-то ещё. А рифцы до сих пор просят больницу.

Что именно изменилось?

Память города

Я не знала этого, когда гуляла по медине. Не знала, что этот тихий белый город – колыбель диктатуры. Что в его горах родилась первая республика Северной Африки и была отравлена газом. Что советские танкисты умирали под Мадридом, чтобы остановить армию, пришедшую из этих улиц. Что испанские дети жили в Ленинграде, а испанские солдаты его осаждали. Что мальчик из Ферроля стал чудовищем в этих горах и привёз свою жестокость домой в Испанию.

История не закончилась. Она продолжается – в заборах Сеуты, в торговых соглашениях, в онкологии Рифа, в молчании дипломатов. Она продолжается, пока вы это читаете.

Тетуан – «белая голубка» для испанцев. Tittawin – «глаза» по-берберски.

Город, который всё видел. И ничего не забыл.

Книги и Бог

Книжных магазинов в центре Тетуана, кажется, больше, чем кофеен. Для города, где треть населения неграмотна, это трогательно и парадоксально. Хотя неграмотна по чьим стандартам? Уровень грамотности в Марокко: семьдесят пять целых девять десятых процента в 2014 и восемьдесят пять целых шестьдесят две сотых процента в 2022 году. Однако грамотность измеряется по владению Modern Standard Arabic (фусхой) – языком, на котором никто в Марокко не говорит дома, или французским языком. Домашние языки – дарижа (шестьдесят процентов населения) и амазигский/берберский (сорок процентов). Человек может свободно говорить на трёх языках, вести торговлю, растить детей, знать наизусть суры Корана и считаться «неграмотным», потому что не умеет писать на фусхе. Грамотность в этом случае вопрос не ума, а определений.

Везде Коран красиво оформленный, в кожаных переплётках. Палитра цветов – бирюзовый, фиолетовый, зелёный, розовый. Как смартфон – одно содержание, сто вариантов обложки. Священная книга стоит от двадцати до девяносто дирхамов (два – девять евро) – по цене чашки кофе в Мадриде. В витрине рядом с Кораном – «Le Ramadan expliqué aux jeunes» на французском. Три языка, три мира в одной витрине.

-барМақтабат ан-Нахда (مكتبة النهضة) – «Книжная лавка Возрождения». Нахда по-ски значит Ренессанс. Кораны раскрыты в витрине как бабочки красиво и поэтично.

И тут я ловлю себя на двойственности. С одной стороны – это хорошо, что люди читают, книги доступны, священное не за семью замками. А с другой, религия – это тоже сон. Красивый, утешительный, тёплый, но сон. Готовые ответы на все вопросы. А когда ответы уже есть, то зачем спрашивать?

Школа философа

На стене старого здания – табличка: مدرسة ابن رشد (Мадрасат Ибн Рушд). Школа, названная в честь Аверроэса. Ни один путеводитель по Тетуану об этом не упоминает. TripAdvisor молчит. Lonely Planet молчит. А эта табличка – может быть, самая важная вещь в городе.

Ибн Рушд (1126–1198), родом из Кордовы, философ, врач, юрист и человек, без которого Европа, возможно, до сих пор жгла бы ведьм. Когда христианская Европа уничтожала книги и убивала тех, кто задавал неудобные вопросы, арабские учёные переводили Аристотеля, комментировали, спорили с ним, сохраняли. Без Ибн Рушда не было бы Фомы Аквинского, не было бы схоластики, не было бы Ренессанса. Получается вот такая цепочка: араб из Кордовы → итальянский монах → европейская философия → современная наука. Иногда цивилизацию спасает один человек с книгой.

Его слова: «Незнание ведёт к страху, страх ведёт к ненависти, ненависть ведёт к насилию. Вот уравнение».

Восемьсот лет прошло, но уравнение работает. Откройте новости и убедитесь.

Табличка написана на двух письменностях: арабская вязь и тифинаг – берберское письмо. Ему больше двух тысяч лет. Два алфавита на одной стене, как два слоя кожи на одном теле.

Свободные люди

Меня удивляет, что большая часть населения Марокко – не арабы. Это амазиги (#####, имазиген). «Амазиг» значит «свободный человек». Их называют берберы, хотя это внешнее слово, от греческого «барбарос» (чужак). Греки вообще всех чужаками называли.

Амазигская культура – доарабская, существовавшая за тысячи лет до прихода арабов в VII веке. А потом пришёл ислам, пришёл арабский язык, пришла новая власть, а амазиги остались, и язык их выжил, и письмо тифинаг выжило, и традиции выжили. Тихий протест идентичности длиной в тысячу лет. Они просто продолжали быть собой. Самое эффективное сопротивление – это то, которое не выглядит как сопротивление.

В 2011 году Марокко стало единственной арабской страной, которая конституционно закрепила амазигский как официальный язык. Они тысячу лет ждали и дождались.

Рихля

Именно арабский мир создал жанр, в котором я сейчас пишу. Рихля (رحلة) – дневник путешествия. Самый знаменитый путешественник в истории – это не Колумб, не Марко Поло, а Ибн Баттута, и он родился в Танжере в часе езды от Тетуана. Год его рождения 1304. За тридцать лет он объехал весь известный мир – от Китая до Мали, от Волги до Суматры – более ста двадцати тысяч километров. Марко Поло нервно курит в стороне (если бы ему ещё разрешили во время Рамадана).

Этот дневник – продолжение традиции через семьсот лет. Другая эпоха, тот же жанр, та же дорога. Другой путешественник из Испании, через пролив, в Марокко.

Платок

Я надела платок, как местные женщины, с целью вписаться и не привлекать внимания. Это обычная женская стратегия в незнакомом месте – стать частью фона.

Но история платка длиннее, чем история ислама. Гораздо длиннее.

В древней Месопотамии, в тринадцатом веке до нашей эры замужние женщины были обязаны покрывать голову, а рабыням запрещалось. Платок означал статус, а не скромность. «Я чья-то жена» – вот что он говорил. В древней Греции было то же самое, и в Иудаизме. В Христианстве апостол Павел прямо пишет: «Всякая жена, молящаяся с непокрытой головой, постыжает свою голову». Да и русские бабушки в платках вовсе не мусульманки. Хотя моя казанская бабушка в платке была мусульманкой. Одна традиция, тридцать пять веков.

Ислам не изобрёл платок, а закрепил то, что существовало тысячелетиями. В Коране (сура Ан-Нур, 24:31) написано: «накидывать покрывало на грудь». А слово «хиджаб» (حجاب) в Коране означает «завеса, преграда» – и ни разу не используется как «головной платок». Это интерпретация поздняя, как и многое в религии.

Две подруги моей дочери марокканки учились вместе в испанском университете. Обе носили платок по семейным правилам. Обе сняли его на учёбе по обмену в Италии. Знаете, как бывает – новая страна, новые правила, ветер в волосах – буквально.

Одна не вернулась к платку, а другая вернулась, но осознанно. Прошла путь от послушания через свободу к собственному выбору. Она нашла веру сама, не по наследству. Нашла мужа через мусульманский сайт знакомств, и скоро свадьба.

Один и тот же кусок ткани может быть свободой и тюрьмой. Всё зависит от одного, кто решает, ты сама или кто-то за тебя.

Мне очень нравится ходить в платке – сама от себя такого не ожидала. Да и тепло в нем. На всякий случай я купила еще два трикотажных платка очень красивых цветов, которые можно носить и как шарфик. В общем я не смогла удержаться.

Молитва

Призыв к молитве – Азан магриба. Рядом с моим домом мечеть. В Тетуане много мечетей. И вдруг я услышала знакомый звук не отсюда, а из детства – Казань, бабушки, татарский язык, который я помню обрывками, как мелодию, у которой забыла слова. Другая страна, другой век, а голос муэдзина тот же. Странное чувство: быть за тысячи километров от дома и вдруг оказаться дома.

Молитва как практика – это медитация – пять раз в день остановиться, обратиться внутрь, выпасть из потока. Не проверять телефон, не думать о делах, а просто быть. Это пробуждение.

Молитва как делегирование, что «Аллах решит, иншалла», это сон. Отдай ответственность высшей силе и живи спокойно. Это удобно, тепло и не страшно.

Один и тот же ритуал, но пробуждение или сон зависит от того, кто молится и зачем.

Для русской пословицы «На Бога надейся, а сам не плошай» имеется исламский аналог. Как-то бедуин спросил Пророка: «Привязать верблюда или положиться на Аллаха?». Ответ был – «Привяжи верблюда и положишься на Аллаха». Кажется, что здравый смысл – это единственная по-настоящему мировая религия.

Коран написан на древнем арабском. Дарижа, на которой говорит весь Тетуан, далека от него, как итальянский от латыни. Читать, понимать, интерпретировать это три совершенно разные вещи. Большинство мусульман мира не читают Коран в оригинале. Они слушают имама. А кто учил имама? Другой имам. Цепочка интерпретаций длиной в 1400 лет. Где-то в этой цепочке обязательно кто-то что-то понял по-своему.

Зикр

Вечер после ифтара. Из мечети раздается ритмичное, как сердцебиение: «Аллаху... Аллаху... Аллаху...». Голоса сливаются в одну волну. Десять голосов, но звучит как один.

-отвоiВикр (ذکر) означает «поминание». В суфийской традиции – это медитация через рение, с тем же механизмом, что и у мантры «Ом», как православные чётки, как тибетское «Ом мани падме хум». Ритм, дыхание, повторение и мозг отпускает контроль. Внутренний диалог замолкает. Тот самый голос в голове, который обычно комментирует каждый твой шаг, наконец затыкается.

Это не молитва-прошение, не «Господи, дай». Это молитва-погружение. Чистая практика. Без слов, без просьб – только звук и присутствие.

Я стою на улице и слушаю, а вокруг меня город, который только что поел после целого дня поста – сытый, тёплый, благодарный. И из мечети раздается этот звук, древний, как сами стены.

Церковь

Посреди мусульманского города стоит Iglesia de Nuestra Señora de las Victorias. Церковь Богородицы Победы. Жёлтый камень, крест, колокольня с часами, арабский орнамент на стенах. Испанская неоготика, обнимающая мавританские мотивы. Как будто здание не могло решить, кому принадлежит, и решило принадлежать всем.

Мечеть, церковь, школа Аверроэса – в нескольких минутах ходьбы друг от друга. Тетуан – город слоёв. Каждый слой – это чья-то правда. И все стоят рядом, не мешая. Камни, похоже, умеют то, чему люди до сих пор учатся.

Кошки

Кошки Тетуана – это отдельная цивилизация. Они здесь не питомцы и не бродяжки. Они – соседи с правами.

Рыбак бросит рыбку, мясник отдаст обрезки. Никто не «владеет», все кормят. Кошки убивают грызунов на рынке, где мясо и зерно. Работающий контракт, которому тысячи лет. Без юристов, и именно поэтому он работает.

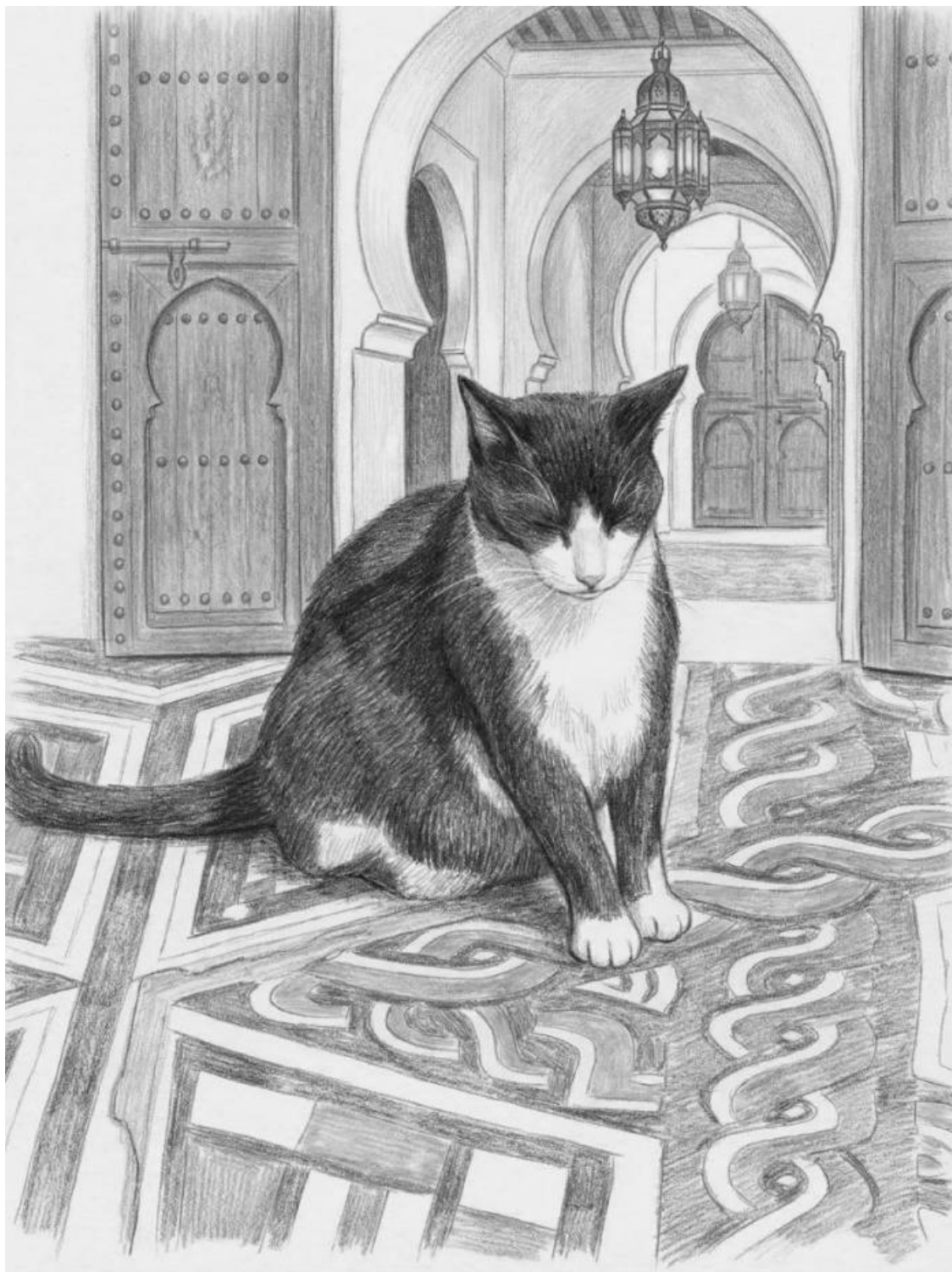
Кошка в Исламе – это чистое животное. По преданию, пророк Мухаммад отрезал рукав одежды, чтобы не потревожить свою спящую кошку Муэззу. Кошке можно заходить в мечеть. Ей наливают воду у входа. Попробуйте представить кота в католическом соборе. То-то.

И вот контраст. В ту же неделю – события в двух разных мирах.

Читаю новости – Дубай, март 2026: после иранских ракетных ударов экспаты побежали. Собак привязывали к столбам. Кошек оставляли. Ветеринаров засыпали просьбами усыпить. Двадцать семь сообщений за один день – «Заберите, мы улетаем». Просто они покупали золотистого ретривера к белому Range Rover как аксессуар, а не члена семьи, и связи не было, ни культурной, ни сердечной.

И вот новость из Ливана. Пожилая Лина Ахмад Хиджази после того, как разбомбили ее дом посадила кошку в ведро и три дня шла по тротуарам, занимала деньги на корм. Объясняла так: «Она – любовь моего сердца. Она мне как ребёнок».

У одних есть всё, но они бросают или просят усыпить своих питомцев, а у другой ничего, и она заботится о своей кошке. И кто из них человек?

А кошки Тетуана лежат на тёплых камнях, умываются и на Рамадан не обращают ни малейшего внимания. У них свой бог, и он не требует поста.

Кто победил крыс

В Тетуане нет крыс. Это замечаешь не сразу, так как сложно заметить отсутствие. Но когда до тебя доходит, становится интересно. Рынок, где на прилавках лежит сырое мясо, рыба, мешки с зерном и специями – и ни одного грызуна. Зато кошки везде – спят на ящиках, сидят у мясных рядов, ходят между ног покупателей с видом инспекторов санэпидстанции.

Это древний контракт. Кошки убивают крыс, а люди делятся едой. Никаких бюджетов, тендеров, департаментов. Обрезки с прилавка вместо зарплаты. Работает тысячелетиями.

А теперь посмотрим на тех, кто решил обойтись без кошек.

В Париже около шести миллионов крыс. Примерно две на каждого парижанина. К Олимпиаде-2024 город объявил крысам войну, но крысы этого не заметили. В Нью-Йорке три миллиона крыс. В 2023 году город назначил официального «крысиного царя» – rat czar – Кэтлин Корради. Должность звучит внушительно. В сентябре 2025-го Корради уволилась, а крысы остались. Лондон во время ковида обнаружил, что, если люди сидят дома, а мусорки переполнены, то крысы чувствуют себя прекрасно.

Нью-Йорк тратит миллионы долларов на борьбу с грызунами, а Тетуан тратит обрезки с мясного прилавка. Вопрос эффективности остается открытым.

Ирония в том, что Европа сама создала себе эту проблему. В Средние века кошек убивали, поскольку их считали пособниками ведьм и слугами дьявола. Папа Григорий IX в булле Vox in Rama 1233 года описал черного кота как воплощение сатаны. Кошек жгли, топили, истребляли. А в Исламе кошку нельзя обижать.

Одна цивилизация объявила кошку врагом и получила проблемы с крысами. Другая объявила кошку священной – и получила чистые рынки. Иногда самые эффективные решения это те, которые не требуют ни бюджета, ни должности с громким названием.

Опять кошки. Их здесь больше, чем людей. Или кажется, что больше, потому что они заметнее – лежат на каждом тёплом камне, в каждой нише, на каждом прилавке.

Для рожающих кошек делают коробки – с подстилкой, в укромном месте. Приносят еду. Котята – безумно милые. Маленький котенок ел сардину у рыбного рынка, держа её двумя лапами, как бутерброд, и выглядел серьёзным и очень сосредоточенным.

Вечер

После ифтара город преображается. Как будто кто-то щёлкнул выключателем, был пустой, а стал полный. Вышли все – дети, красиво одетые женщины. Мужчины сидят в кафе, пьют чай, разговаривают. Воздух пахнет мятой и шбакией – медовым печеньем.

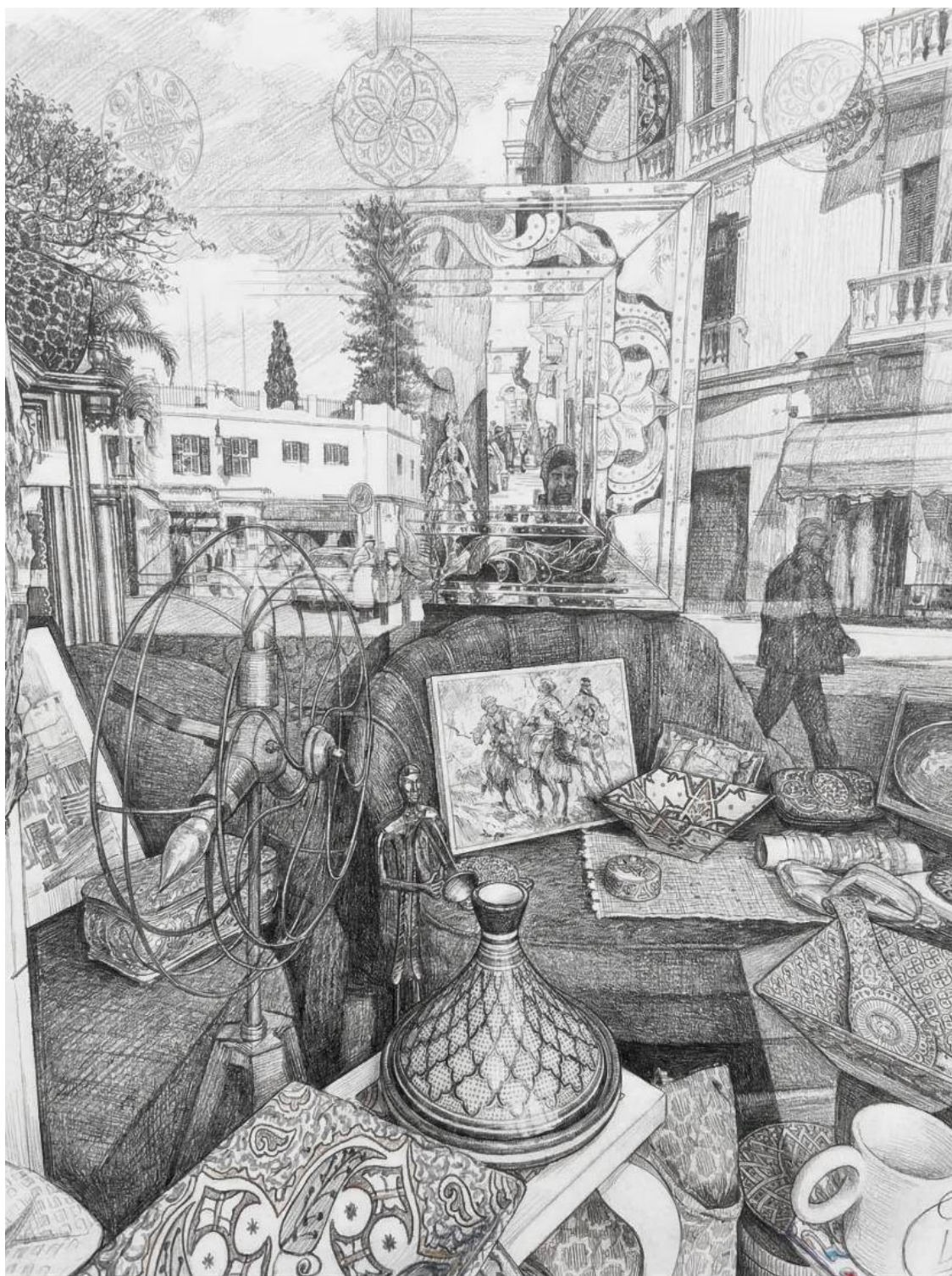
Здесь люди улыбаются легко. Легче, чем в Европе. Намного легче, чем в Лондоне (хотя в Лондоне вообще улыбаются только собакам и на паспортном контроле по ошибке).

Чем беднее страна, тем человечнее люди. Может быть, богатство отнимает что-то, что бедность сохраняет. Может быть, когда тебе нечем гордиться из вещей, ты гордишься тем, что ты человек. А когда у тебя три машины, то ты гордишься только своими машинами.

Отношение к детям здесь очень тёплое. Дети – это радость, а не обязанность. Все вокруг радуются, глядя на чужих детей, как на своих. В Англии все жёстче. «Не шуми, не бегай, sit still», а здесь – пусть бегают, пусть шумит. Он ребёнок. Это его право.

На стене кафе вижу фотографию трех поколений – мужчина с младенцем, его сын с младенцем, молодой внук. Преемственность. Корни. Вся история семьи на одном снимке, как годовые кольца дерева.

На улицах сидят люди, просящие подаяния. В Рамадан принято давать садака (صدقة) – милостыню. Есть верование, что перед началом важного дела нужно дать садака трём людям. И не мелочь. В священный месяц щедрость удваивается. Странная экономика, чем меньше у тебя есть, тем больше ты даёшь.

Первый ифтар

В кафе мне дают два финика на блюдечке для ночного прерывания поста и тажин из говядины с черносливом. Мясо, которое томилось долго в керамическом горшке с конусовидной крышкой называемом тажин (طاجين), и это не название блюда, а посуда. Конус создаёт циркуляцию пара, конденсат стекает обратно, и всё готовится в собственном соку. Это тысячекратнее гениальное изобретение.

Пробую хариру – томатный суп, густой, с нутом и чечевицей. Это традиционное блюдо для разговения. Картошечка фри. Вкусно. Настроение у меня замечательное.

Первый ифтар в жизни. Не мой пост, но моя еда. И почему-то кажется, что еда после ожидания вкуснее, чем еда по расписанию.

Четыре тысячи слов, которые не ушли

Я сижу в кафе в Тетуане и записываю слова. Дарижа это марокканский арабский, который звучит вокруг меня плотным потоком, и я выхватываю из него отдельные капли. Записываю в тетрадку транскрипцию, рядом пишу перевод. Аз-зайт. Масло. Ас-суккар. Сахар. Аль-кутун. Хлопок.

И вдруг останавливаюсь.

Аз-зайт – *aseite*. Ас-суккар – *azúcar*. Аль-кутун – *algodón*.

Я знаю эти слова. Я произношу их каждый день. Дома, на Коста-Бланке, в супермаркете, на кухне, в разговоре с соседкой. *Aseite, azúcar, algodón* – масло, сахар, хлопок. Обычные испанские слова, но вот только они не испанские.

Я приехала в Марокко учить арабский, и обнаружила, что уже говорю на нём каждый день, не зная об этом.

Тетрадка лежит передо мной, и список совпадений растёт. *Almohada* – подушка. *Alfombra* – ковёр. *Taza* – чашка. *Aldea* – деревня. Я пью кофе из *taza*, сплю на *almohada*, еду за покупками в *aldea* рядом с домом. Всё это – арабский язык. Мой повседневный, бытовой, ничем не примечательный арабский, который я принимала за испанский много лет.

Как это возможно? Откуда в испанском языке тысячи арабских слов?

Ответ – в числе 781.

В 711 году полководец Тарик ибн Зияд пересёк пролив из Африки с берберо-арабской армией и высадился у скалы, которая с тех пор носит его имя – Джабаль Тарик, гора Тарика, *Gibraltar*. Так началось арабское присутствие на Пиренейском полуострове. Закончилось оно в 1492 году, когда пал последний эмират Гранада. Между этими датами семьсот восемьдесят один год.

Семьсот восемьдесят один год. Для сравнения, современной Испании в её нынешних границах и с нынешней конституцией нет и пятидесяти. Соединённым Штатам – двести пятьдесят. Семьсот восемьдесят один год – это не эпизод и не завоевание с последующим откатом. Это целая цивилизация, которая родилась, расцвела и угахла на территории одной страны.

И цивилизация эта была, мягко говоря, впечатляющей.

В X веке, когда Париж представлял собой грязный город с населением в двадцать тысяч человек, а книги в Европе переписывали поштучно монахи в монастырях, Кордова была столицей мира. Крупнейший культурный и научный центр Европы. Население – около полумиллиона, мощёные улицы, уличное освещение, водопровод и библиотека.

Библиотека халифа Аль-Хакама II насчитывала до четырёхсот тысяч томов. Четыреста тысяч в X веке. Это было крупнейшее книжное собрание на континенте. Для сравнения: библиотека Сорбонны через триста лет будет гордиться коллекцией в две тысячи книг.

В этом городе Аз-Захрави, европейцы позже назовут его Альбукасис, написал энциклопедию хирургии и медицины в тридцати томах. Его считают отцом хирургии.

Аль-Заркали создавал усовершенствованные астролябии и составлял звёздные таблицы, которыми пользовались моряки, следующие пятьсот лет. Ибн Рушд, он же Аверроэс, заново открыл Аристотеля для Европы, и его комментарии определили ход западной философии. Маслама аль-Маджрити стал первым оригинальным математиком Аль-Андалуса и помог передать индийско-арабскую десятичную систему счисления в Европу через Кордову.

Десятичная система. Цифры, которыми мы все пользуемся 0, 1, 2, 3, пришли в Европу через Аль-Андалус. Само слово «цифра» происходит от арабского *صفر*, «сифр», ноль. И «ноль» в испанском, сего, от того же корня.

Я сижу в кафе в Тетуане и думаю: я приехала сюда как в чужую страну. А оказалось, что вернулась в знакомый дом, которого не помнила.

Более четырёх тысяч слов арабского происхождения сохранилось в современном испанском языке. Больше, чем в любом другом европейском языке. Четыре тысячи – это не экзотика, не научные термины, спрятанные в словарях. Это повседневность. Это быт.

Дом. Almohada (المدخة) – подушка. Alfombra (الحنبل) – ковёр. Alcoba (القبة) – спальня, альков. Azulejo (الزليج) – керамическая плитка. Каждый, кто жил в Испании, знает эти azulejos – цветные, узорчатые, на стенах домов и патио. Само слово арабское, и техника производства арабская, и традиция арабская.

Еда. Aceite (الزيت) – масло, основа всей средиземноморской кухни. Azúcar – сахар (السكر). Aceituna – оливка. Arroz – рис. Испания без оливкового масла и риса лима, и оба слова пришли из арабского.

Ткани и материалы. Algodón (القطن) – хлопок. Taza (طاسة) – чашка.

Архитектура. Alcázar (القصر) – дворец, крепость. Алькасар в Севилье, Алькасар в вии, а само слово, обозначающее эти величественные постройки, арабское.

Наука. И вот тут начинается самое интересное. Álgebra просходит от الجبر, «аль-джабр». Algoritmo – от имени математика аль-Хорезми, الجوارزمي, чей трактат об уравнениях дал название целой дисциплине. Alquimia – الكيمياء, предшественница химии. Cero и cifra – صفر, «сифр», ноль. Каждый раз, когда программист пишет алгоритм, он произносит имя человека из Хорезма. Каждый раз, когда школьник решает уравнение на алгебре, он использует арабское слово.

Но есть одно слово, которое поражает меня больше всех.

Ojalá.

Самое частое восклицание в испанском. «Хоть бы!», «если бы!», «дай бог!». Ojalá mañana haga sol – хоть бы завтра было солнце. Ojalá todo salga bien – дай бог, чтобы всё получилось.

Ojalá – إن شاء الله. Ин ша Аллах. «Если пожелает Бог».

Каждый раз, когда испанец говорит «ojalá», а это происходит десятки раз в день, в каждом разговоре, в каждой семье, он произносит арабскую молитву, не зная этого, не задумываясь. Как я не задумывалась, покупая aceite в магазине.

Людей изгнали, а молитва осталась.

Если слова прячутся в языке незаметно, то на карте Испании арабское наследие кричит. Нужно только знать, куда смотреть.

Guad- – это وادي, «вади», река или долина. Guadalquivir – وادي الحبيرة – великая река. Главная река Андалусии и её имя переводится с арабского. Guadalajara – وادي الحجارة – река камней. Город в центре Испании, чьё название – это арабская топографическая справка.

Al- – это ال, арабский определённый артикль. Algeciras – الجزيرة الخضراء – зелёный ров. Almería – المرية – зеркало, сторожевой пункт. Alicante, Albacete, Alcalá – все эти «Al-» в начале испанских городов означают одно: здесь были арабы. И они называли это место.

Ben – это بن, «ибн», сын. Benalmádena на побережье Коста-дель-Соль – بن الممدن – сын рудника. **Benidorm** – курортный город, куда ездят на пляж английские туристы, носит имя, данное ему арабами.

И, конечно, Гибралтар. **Gibraltar**. جبل طارق – Джабаль Тарик – гора Тарика. По имени того самого полководца, с которого всё началось в 711 году. Британская военная база на южной оконечности Испании и её название увековечивает арабского завоевателя. Символизм, от которого невозможно отмахнуться.

Я раскрываю карту южной Испании и считаю. Вади, Аль, Бен, Джабаль – река, артикль, сын, гора. Вся Испания говорит по-арабски своими названиями. Само слово «Андалусия» происходит от Аль-Андалус, арабского названия мусульманских владений на полуострове.

Здесь жили люди. Они называли реки, горы, города. Потом людей изгнали. А названия остались, потому что как переименовать реку? Как заставить гору забыть своё имя?

Есть вещи, которые переживают всё – войны, изгнания, столетия, и вода – одна из них.

Asequia – السقيية – ирригационный канал. Арабы принесли на Пиренейский полуостров сложнейшую систему орошения, которая превратила засушливые земли в сады. Асекьи Валенсии и Мурсии работают до сих пор. Не как музейные экспонаты, а как действующая инфраструктура. Вода течёт по тем же каналам, которые были проложены тысячу лет назад.

Noria – ناعورة – водяное колесо, которое поднимает воду из реки на поля. В некоторых местах Испании нории используются до сих пор. Тысячелетняя технология, которая работает без электричества, без ремонта, без модернизации, а просто потому, что была сделана правильно.

Но самое поразительное – это не каналы и не колёса. Самое поразительное – это суд.

Tribunal de las Aguas – Водный суд Валенсии бы основан в арабский период, между IX и XIII векам, и заседает каждый четверг в полдень недалеко от дверей Кафедрального собора Валенсии. Каждый четверг в полдень с тех самых пор.

Это старейший действующий суд Европы. Восемь выборных судей, по одному от каждого оросительного канала, собираются, выслушивают жалобы, выносят решения без адвокатов, без письменных протоколов, устно и публично. Так как это делалось при арабах, как это делалось всегда.

В 2009 году ЮНЕСКО включило Tribunal de las Aguas в список нематериального наследия человечества. Тысяча лет непрерывной работы. Тысяча лет – это когда институт переживает государства, династии, конституции, революции и две мировые войны, и продолжает собираться по четвергам у собора, потому что вода не ждёт.

Я думаю об этом и понимаю, что вода – это лучшая метафора для языка. Она находит путь. Её можно перекрыть, перенаправить, спрятать под землю, но она всё равно течёт.

1492 год. Гранада пала. Реконкиста завершена. Мавров изгоняют с полуострова. Мечети перестраивают в церкви. Книги сжигают. Историю переписывают.

Но язык не подчиняется указам.

Четыре тысячи слов остались – подушки, ковры, чашки, масло, сахар, хлопок, алгебра, алгоритм, алхимия, ноль, реки, горы, города, каналы, по которым до сих пор течёт вода, суд, который до сих пор заседает.

Людей можно изгнать, а язык нельзя.

Я сижу в Тетуане, по ту сторону пролива, и чувствую нечто странное. Не ностальгию, откуда, я здесь впервые. Скорее это узнавание. Как будто язык, который я слышу вокруг, не чужой, а просто давно забытый.

Я приехала в Марокко учить новый язык. А нашла старый, тот, на котором уже говорила.

Язык это последнее, что уходит. И первое, что напоминает.

Засыпая

Испанский язык здесь понимают почти все. Если не понимают, то стараются. Это замечательно и опасно, зачем учить арабский, если тебя и так понимают? Мой внутренний перфекционист пытался говорить на дариже, но произношение пока такое, что приходилось показывать написанный текст. Зато все смеялись. Не надо мной, а вместе. Добрый смех. Такой, от которого хочется пробовать ещё. Коверкать слова, путать гортанные звуки, показывать на пальцах и снова смеяться. Здесь ошибка не унижает. Здесь ошибка – это мост к пониманию.

Завтра меня ждет другая часть города. А на фоне идет война в Иране, нефть бьет рекорды по ценам, мир, который ещё вчера был одним, а сегодня стал другим. Но это все завтра. Сейчас есть только эта комната, этот вечер, эти звуки за окном.

Не буду сбивать ритм. Не буду бодрствовать всю ночь, как они. У меня свой Рамадан, мой внутренний. Свой пост. Свой правила.

Мой пост – от суеты. От привычки всё планировать, всё контролировать, на каждый шаг иметь запасной вариант. Расписание, списки, стратегия. А здесь я первый день, и уже что-то отпустило. Не знаю, что именно, может быть, страх, может быть, привычку держать лицо, может быть, ту внутреннюю пружину, которая всегда сжата, всегда готова к удару. Один день в Тетуане, и пружина чуть ослабла. Совсем чуть-чуть, но я чувствую.

Спокойно здесь. Похоже на Узбекистан, где я жила подростком, те же запахи, та же мелодика, тот же ритм.

И не просто «похоже», а конкретно, физически, телом. Запах специй из лавки, зира, кориандр, что-то ещё, чему я не знаю названия, но нос помнит. И хлеб, тот самый запах хлеба из тандыра, который нельзя спутать ни с чем. В Испании хлеб пахнет мукой. В Лондоне – ничем. А здесь он пахнет глиной, огнём, руками. Как в Ташкенте, когда я бежала утром за лепёшками и несла их домой, горячие, завернутые в полотенце.

Чай в Тетуане. Я смотрела на руку с чайником и видела не марокканца, я видела свою бабушку в платочке, которая каждый день пила чай во дворе на айване и звала нас, детей, угощала колотым сахаром. Чай, как ритуал. Чай, как гостеприимство без вопросов.

Звуки. Азан знакомый с детства. В Казани его слышала от бабушки по маминой линии, она молилась пять раз в день. Сегодня в Тетуане азан зазвучал на закате, и тело среагировало раньше головы, расслабилось, выдохнуло. Память не в голове. Память в мышцах, в дыхании, в позвоночнике.

И голоса на рынке – это тот же узор. Зазывалы, споры о цене, смех. Не агрессия, а игра. В Узбекистане торг был формой общения, способом побыть вместе, не торопясь. Здесь то же самое. Никто никуда не бежит. Жизнь течёт медленнее, но глубже. Как арык, в котором воды немного, но она добирается до каждого корня.

Отношение людей теплое, не показное, не сервисное, а настоящее. В Узбекистане это называлось махалля – соседская община, где все знают всех, где чужой ребёнок – тоже твой ребёнок, где горе одного – горе всех. Бабушки в платках, которые окликают тебя через забор: зайди, поешь.

Три мои бабушки, все три, жили в этом мире. Мире, где дверь не запирают, где еда – это язык любви, где утро начинается с молитвы или хотя бы с тишины, похожей на молитву. Я уехала из этого мира в семнадцать лет. Москва – это другая скорость, другая логика, другой воздух.

А сегодня я на этом берегу. И пролив не разделяет. Пролив соединяет. Как будто много лет я шла по кругу и вернулась не в место, а в ощущение, в тело, которое помнит. Мне пятьдесят пять, и я чувствую то, что чувствовала в шесть лет, когда отец привез нас в Ташкент и новый мир оказался не чужим, а странно знакомым.

Как будто жизнь сделала круг.

Мактуб. Так было предписано. Предопределено.

Но не так, как говорят фаталисты, что мол, толку стараться, всё уже решено. Нет. Мактуб – это другое. Это доверие. Не «за меня решили», а «я доверяю тому, что ведёт». Разница огромна. Первое отнимает волю. Второе – отпускает страх. Я всю жизнь принимала решения сама – переезды, разводы, суды, новые страны, новые языки. Я не из тех, кто ждёт знаков. Но иногда, вот как сейчас, засыпая в марокканской комнате под далёкий смех рамаданной ночи, иногда чувствуешь, что ты не просто шла, а тебя вели тихо, незаметно, долгим путём.

Мактуб. Так было предписано. предопределено.

Глаза закрываются. Завтра будет другой день. Та же я.

Спокойной ночи, Тетуан.

День 2. Шепот Святых и Тишина (Постижение Тайного)

Утро

Проснулась от дождя. В Тетуане дождь звучит иначе, чем в Москве – громче, увереннее, как будто небо не извиняется. Рифские горы ловят облака с Атлантики, и город получает то, чего не хватает остальному Марокко – воду.

Вода в Марокко – не метафора, а стратегический ресурс. Страна в зоне водного стресса, засухи учащаются. А в медине Тетуана – фонтанчики в арочных нишах на каждом углу. Маленькие, вмурованные в стену, как молитвы. Есть код, если на фонтанчике кран, то вода питьевая. Если крана нет, то вода для хозяйственных нужд – мытьё, стирка, а пить ее нельзя. И есть указатели, где под землёй проходит вода. Целая подземная карта, которую город помнит веками.

Когда-то арабы построили лучшую ирригационную систему в Европе – в Гранаде. Асекии (acequias), которые до сих пор работают. Та же цивилизация, тот же принцип: вода – это жизнь, и её нужно уважать. В Европе это забыли. Открываешь кран, и вода течёт. Откуда – неважно. Сколько – не считаешь. А здесь каждый фонтанчик – это напоминание о том, что вода конечна.

Кто цивилизованный

На второй день я уже привыкла к попрошайкам у мечети. Старик с чётками. Беременная женщина с ребёнком на руках. Мужчина без ноги у входа на рынок. Они здесь – часть улицы. Не проблема, которую нужно решить. Не «контингент», который нужно «переместить». Просто люди, которым нужна помощь. И кто-то её даёт. Монету. Хлеб. Кивок.

Закят – третий столп ислама. Не благотворительность, а обязанность, два с половиной процента от всего, что имеешь. Коран прямо говорит: бедный имеет право на часть твоего имущества. Это его доля, которую ты удерживаешь, если не отдаёшь. Поэтому подать нищему в Рамадан – это не жест доброты, это долг, поэтому никто не отводит глаз.

Да, есть грязь. Есть бродяги. Есть дети, которые должны быть в школе, а не на улице. Марокко – не рай. Тринадцать тысяч бездомных. Переполненные приюты. Система помощи довольно слабая.

Но система построена так, чтобы помогать. Мечеть – не только молитва, но и ночлег. Сосед знает соседа. Махалля, квартал, заботится о своих. Хаммам за углом, пятнадцать дирхамов. Пекарня за углом, три дирхама за лепёшку. Пять элементов квартала: мечеть, фонтан, хаммам, пекарня, школа. Всё общее. Всё рядом.

Я вспоминаю Лондон. Спальные мешки в дверных проёмах вдоль улиц. Скамейки, на которых невозможно лечь, поскольку подлокотник посередине, сделанный специально. Архитектура, спроектированная не для людей, а против них. В Лос-Анджелесе семьдесят пять тысяч бездомных и закон, запрещающий кормить голодных в парке. Самая богатая страна мира, и шипы на бетоне, чтобы человек не мог прилечь под мостом.

Запрещать кормить бездомного. Запрещать кормить бродячую кошку. Одна логика – голодный человек портит вид. Не накорми, и он уйдёт. Он не он перестанет быть голодным, но ты перестанешь его видеть.

Здесь шипов нет. Скамейка – просто скамейка. И коты спят у мечети, потому что Пророк отрезал рукав халата, чтобы не разбудить кошку.

О бездомных

Я стою на узкой улице, где пахнет свежим хлебом, смотрю на старика, которому только что подали монету, и думаю о том, как устроена экономика нашего «цивилизованного» мира. По статистике, четыреста богатейших американцев владеют пятью с половиной триллионами долларов. Двадцать пять человек из этого списка владеют половиной. Состояние одного Илона Маска – двести семьдесят миллиардов – больше, чем ВВП всего Марокко. Одного человека хватило бы, чтобы купить целую страну. Тридцать семь миллионов человек, их мечети, их горы, их море, их историю – всё вместе стоит меньше, чем один человек в Техасе.

А нижние пятьдесят процентов Америки – сто шестьдесят пять миллионов человек – владеют двумя с половиной процентами богатства. Это меньше, чем один процент наверху.

И при этом, в США семьсот семьдесят одна тысяча бездомных. Восемьдесят тысяч смертей от передозировки в год. Шипы на бетоне и штрафы за хлеб, поданный бездомному.

В Марокко ВВП на человека – три тысячи восемьсот долларов. Но закят говорит: отдай два с половиной процента. Обязательно. Каждый год. Не потому, что ты добрый, а потому что это не твоё. Бедный имеет на это право.

В Америке верхний один процент владеет тридцатью процентами всего, но бездомному нельзя лечь на скамейку.

Для чего тогда богатство? Что оно делает, если не кормит голодного, не лечит больного, не даёт крышу? Пять с половиной триллионов – и негде помыться.

О цивилизации

А вот что такое цивилизация, если спросить о простых вещах?

Если цивилизация – это когда самые передовые технологии, лучшие университеты, самые дорогие больницы – то Америка впереди, бесспорно. Лучшие хирурги, лучшие лаборатории, лучшие профессора. Но всё это только для тех, кто может заплатить.

Если цивилизация – это когда любой человек может прийти и получить помощь – лечение, образование, хлеб, крышу – то вопрос сложнее. Потому что марокканская медреса девятого века принимала всех. А Гарвард двадцать первого – только тех, у кого есть шестьдесят тысяч долларов в год.

На проспекте аль-Уахда светит солнце. Кот спит на ступеньке магазина. Всё как вчера. Всё как сто лет назад.

Грязно? Да. Бедно? Да. Но скамейка – просто скамейка. И нищему можно дать хлеб, не заплатив за это штраф. И перелом ноги не стоит тридцать тысяч. И студент не начинает жизнь в долгах. И старейший университет на планете – бесплатный.

Может быть, цивилизация не там, где лучшее доступно немногим. А там, где необходимое доступно каждому.

Медерса Лукаш

Сегодня гуляя по Медине, увидела на площади музей. С двух сторон его зажимали лавки-илер товарами. Musée Loukach du Patrimoine Religieux (متحف الديرك الديني لوقش) – Музей религиозного наследия Лукаш. Белые стены, подковообразная арка, зелёные деревянные ставни, марокканский флаг.

Музей оказался не музеем. Вернее, музей, но в бывшей медерсе (школе). Медерса Лукаш – это школа-интернат XVIII века, где готовили будущих муфтиев, богословов и просто образованных людей. Закрылась в 1980 году. Пятьдесят два ученика могли здесь жить, комнатки сохранены, крошечные, с нишей для книг и циновкой на полу. Всё, что нужно для жизни: крыша, книга, тишина.

Вход стоит тридцать дирхамов для иностранцев, пятнадцать для местных.

Карта медины – мечети, завии, мавзолеи.

Ниже крупный план той же карты! Видны все кварталы:

Аль-Машвар (дворцовый),

Аль-Баляд (центр),

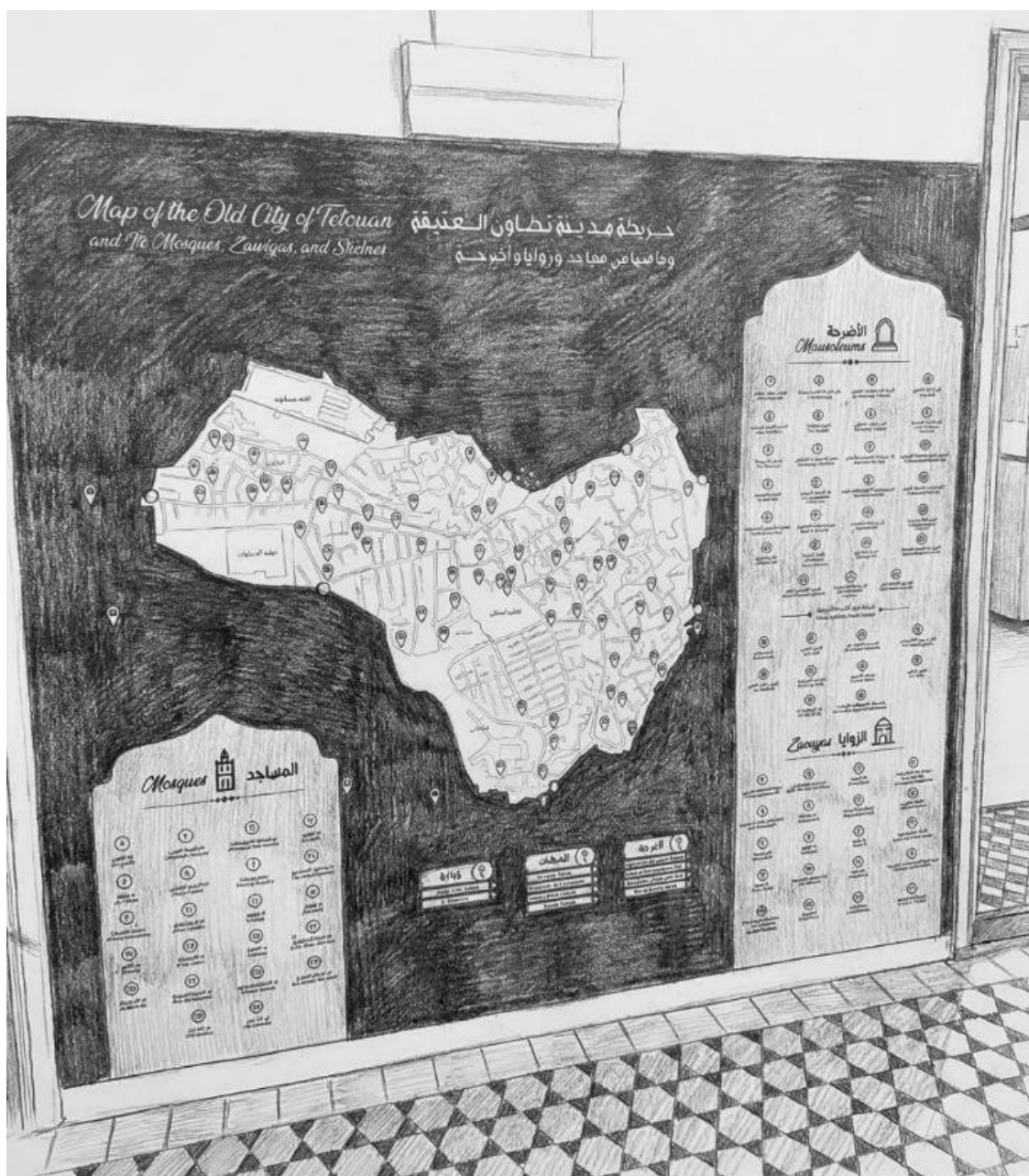
Аль-Маллах (еврейский),

Аль-Мусалля,

ворота – Баб аль-Макабир, Баб ас-Сафли, Баб ар-Рамуз, Баб ар-Руах...

И «(المقبرة القديمة (سيدي المنطري)» – старое кладбище Сиди аль-Мандри, основателя города! Он и после смерти охраняет город.

Образование – от дощечки до диплома

Экспонаты в Музее Лукаш, расставленные в разных витринах, рассказывают одну историю – историю образования и религии.

Деревянные дощечки – лухи (ألواح), исписанные арабским текстом. Рядом – глиняные чернильницы. Ребенок приходил в мсид – кораническую школу при мечети, и писал аяты на доске. Выучил – стер, написал следующие. Бумага стоила дорого. Дерево – долговечно. Одна дощечка могла пережить десятки учеников.

Один зал рассказывает, как учили Коран. Не абстрактно, не «в древности», а конкретно – вот перо, вот чернила, вот табличка. Бери и попробуй.

Ребёнок начинал в пять лет, пять месяцев и пять дней – так записал тетуанский историк Ахмад ар-Рахуни. По сути – в шесть. Его приводили в мсид – маленькую комнату при мечети, пол застелен циновками, факих на возвышении. В Марокко куттаб называли именно так – мсид, искажённое от «масджид», мечеть. Потому что мечеть и школа были одним и тем же.

Факих брал тростниковую палочку – калям. Ножом вырезал кончик под углом, делал тонкую прорезь, чтобы чернила текли равномерно. Чернила – самг – варили из овечьей шерсти два-три часа в воде, пока не выделится клейкая тёмная жидкость и наливали в глиняный горшок. Самг специально нестойкий – он создан, чтобы легко смываться водой. Это не недостаток. Это замысел.

На деревянной табличке лоух факих писал первую суру Аль-Фатиха. Бисмиллях ар-Рахман ар-Рахим. Аль-хамду лилляхи Рабби аль-алямин. Открывающая. С неё начинал каждый ученик.

Дальше – аль-ханаша. Древний марокканский метод запоминания, ученик раскачивается перед табличкой, повторяет аят вслух и одновременно скребёт деревянной палочкой по поверхности лоуха. Ритм тела, звук скрежета, голос, текст перед глазами, движение руки задействуют пять каналов одновременно. Современная нейронаука называет это мультисенсорным обучением и доказывает его эффективность. В Тетуане это называли просто – аль-ханаша.

Когда сура выучена наизусть, ученик читает её факиху. Тот проверяет каждое слово, каждый знак. Если выучил, то можно стирать.

Ученик приносит воду в маленькой бутылке, льёт на табличку. Осторожно, не торопясь, смывает буквы рукой. Потом берёт сальсаль – плоский камень – и разглаживает поверхность. Дерево снова чистое. Факих пишет следующую суру.

От коротких – к длинным. Последняя – Аль-Бакара, самая длинная в Коране: двести восемьдесят шесть аятов. Тот, кто дошёл до конца, заучил весь Коран и получал звание хафиза – хранителя.

И так – годы. Одна табличка. Тысячи текстов.

Четыре природных материала: овечья шерсть для чернил, тростник для пера, дерево для таблички, камень для стирания. Ноль промышленных элементов. Система, которая работала веками и до сих пор работает. В 2002 году Король Мухаммад VI учредил специальную премию для куттабов, чтобы поддержать эту форму образования.

В другой витрине музея представлена реконструкция кельи факиха. Всё его имущество: джеллаба, циновка, низкий стол с горшком для самга, глиняный кувшин для воды, керосиновая лампа, пара кожаных бабуш у порога. Ни одного предмета, который нельзя унести в руках. Зачем тебе библиотека, если ты сам библиотека?

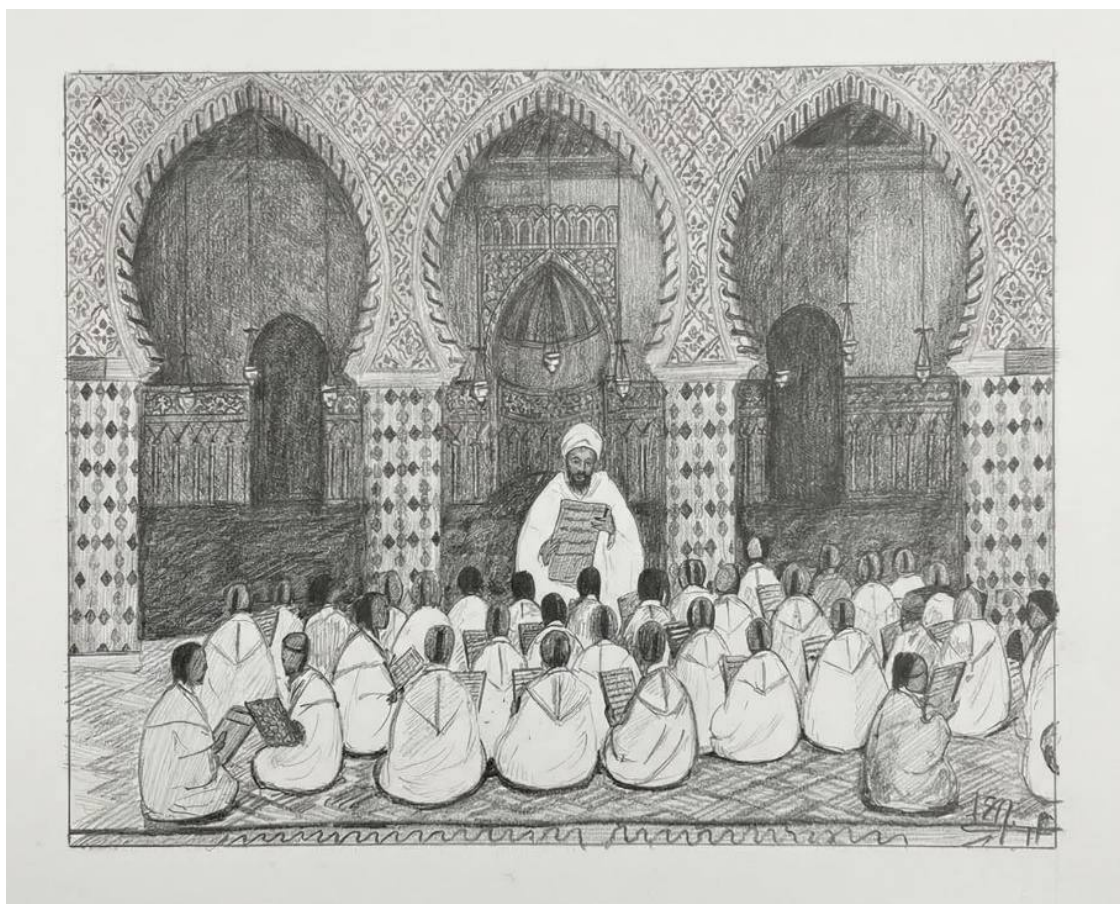
В Кордове X века, крупнейшем городе Европы, работали двадцать семь куттабов. В Лондоне в то же время не было ни одной школы. Когда говорят: «Темные Средние века», то стоит уточнять, чьи именно.

В эпоху, когда мы храним миллионы файлов и не помним ни одного, есть что-то в этом методе. Выучи и сотри. Если помнишь, то тебе не нужна табличка. Если не помнишь, то и табличка тебе не поможет.

Вот акварель начала XX века. Учитель в тюрбане сидит на полу, вокруг него мальчики в белых джеллабах. Три арки на заднем плане. Картина из коллекции французского консульства в Танжере. Колониальные чиновники зарисовывали местную жизнь то ли из любопытства, то ли для отчетности. Документировали то, что хотели понять или контролировать. Ирония в том, что именно благодаря этому взгляду извне мы теперь видим, как выглядел мсид изнутри.

И потрясающий экспонат – аль-хатма – декоративная табличка с геометрическим орнаментом, звездой и каллиграфией. Это диплом, точнее, свидетельство о том, что ученик выучил наизусть весь Коран, все шесть тысяч двести тридцать шесть аятов, регион Джабала, начало XX века. Ни комиссии, ни экзаменационной ведомости, ни печати министерства. Община знала, учитель подтвердил, табличку повесили на стену.

Путь от первой буквы на дощечке до звания хафиза – человека, хранящего Коран в памяти, мог занять годы. Система работала без расписания, без учебников, без электричества. Дощечка, чернила, учитель – три компонента. Ни один из них не требует интернета, подписки или обновления системы.

Сегодня мы строим школы с проекторами, планшетами и облачными платформами, потом удивляемся, когда Wi-Fi падает и урок срывается. Может, стоит держать несколько деревянных дощечек на всякий случай.

Глаза, которые не закрываются

Этнографический зал музея устроен как жизнь: рождение, детство, свадьба, смерть. Четыре стенда, четыре перехода. Всё подписано по-арабски. Деревянные колыбели с резными дугами, расшитые свадебные кафтаны, погребальные ткани – такой аккуратный, замкнутый круг, в котором каждый этап маркирован и объяснён. Музей говорит, что вот так живёт народ этой земли. От первого крика до последнего молчания – всё учтено.

Но на этой же земле еще до арабов, до ислама, до самого понятия «Марокко» существовала другая культура со своими ритуалами рождения, со своими свадебными песнями, со своей системой записи и счёта времени. Она старше всего, что выставлено под стеклом. Ей не досталось витрины.

Она и не помещается в витрину. Потому что она не музейный экспонат, она живая. Она существует не за стеклом, а вокруг него – в скулах и глазах людей на улице, в геометрических узорах на коврах в лавках медины, в гортанных звуках языка, которого нет на табличках музея. Она на руках пожилых женщин, на которых едва видны следы выцветших татуировок – тех самых берберских знаков, которые когда-то наносили на лицо и тело и которые теперь уходят вместе с последним поколением, их носившим. И в самом названии города, куда я приехала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.